

Цепные псы Империи

Автор:

[Андрей Белянин](#)

Цепные псы Империи

Андрей Олегович Белянин

Цепные псы Империи #1

Потомственный дворянин, молодой граф Строгов возвращается из Англии согласно воле умирающего отца и узнает о том, что принадлежит тайному ордену, который защищает Россию.

Андрей Белянин – автор 35 книг, вышедших суммарным тиражом свыше 5 млн экз. В 2013 г. получил премию «Фантаст года» как самый тиражный автор этого года.

Книга выходит в авторской редакции.

Андрей Белянин

Цепные псы Империи

© ИП «Карповский Дмитрий Евгеньевич», 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

«...Это было в июне, в самом начале лета, когда в золотистом воздухе разливалось мягкое, бодрящее тепло. Еще не наступила жара, но долгие дожди остались в мае, а старый Петергофский парк под Санкт-Петербургом все так же принимал в свои пенаты высоких гостей.

Стояла замечательно-солнечная погода, белые облачка кружили над горизонтом, уходя вдаль по Финскому заливу, и струи золотых скульптурных фонтанов искрились тысячами влажных бриллиантов. Свежая зелень листьев манила прохладой, а изумрудные кроны сосен и елей дарили тот самый изумительный северный воздух, что считается столь полезным для дыхания и даже лечит легкие.

По чисто выметенной аллее, ведущей к морю, неспешным шагом шествовал наш государь Александр Второй. Его благородное лицо было усталым, а плечи чуть сутулились, словно под непосильным гнетом забот о бескрайней Российской империи. Многие говорили, что в последнее время он все больше и больше отдаляется от семьи. Кто знает? Кто смеет лезть к нему с вопросами...

Возможно, государь действительно ищет отдушину в политике, впрягаясь во все дела и делая страну ведущей европейской державой. Небольшая свита приближенных офицеров и чиновников следовала чуть позади. Они не видели меня и не знали, чем я тут занимаюсь. Это было лишь мое дело, и посвящать в него кого-либо было не просто лишним, но даже опасным...

Кусты боярышника надежно укрывали меня от посторонних глаз. И пусть отсюда не слышно, о чем говорят в свите царя, но это и не было важно на данный момент. Охота на человека диктует свои правила.

Главное, что я первый заметил его. Невысокого, широкоплечего мужчину, в черных одеждах, темный шелковой платок закрывал половину лица. Его выдал блеск стекла медной подзорной трубы, через которую он наблюдал за прогулкой государя. Сначала я не поверил, что этот человек один, обычно наемные убийцы работают в паре. Странно...

Минутой спустя прячущийся в кустах незнакомец осторожно поднял почти скрытое листьями длинное ружье. Времени на дальнейшие размышления у меня

больше не было, теперь все зависело только от скорости бега.

Он успел взять прицел, я почти физически чувствовал, как мушка выравнивается на одну линию с гордой головой государя и указательный палец человека в черном готовится спустить курок...

Я успел добежать. Мой тяжелый охотничий кинжал, едва слышно просвистев в воздухе, вошел в его спину почти по рукоять. Меня научили бросать ножи в Средней Азии, это была жесткая ежедневная тренировка, но результат того стоил. За десять шагов от меня неизвестный вздрогнул всем телом, выгнулся, выронил ружье и попытался обернуться. Его глаза были полны ярости и невысказанной боли.

Словно тень от соседнего дерева, безмолвно и легко я бросился на убийцу, зажав ему рот. Стрелок умер у меня на руках, лезвие кинжала ушло под лопатку, пронзив легкое. Криков или хрипа можно было больше не опасаться, на губах неизвестного пузырилась красная пена. Я осторожно и очень тихо опустил его тело на землю. Все.

Одним рывком вытащив кинжал, я опустился на одно колено и вытер клинок платком. Потом быстро осмотрелся по сторонам, выглянув из-за кустов, чтобы убедиться, что нас никто не заметил. Меньше всего мне сейчас были нужны свидетели, расспросы, выяснения, да и вообще любая шумиха.

Охота прошла удачно, наш самодержец с генералами и чиновниками спокойно продолжал свою прогулку, слава богу, ни он, ни его свита ничего не услышали...

Напоследок я перевернул труп человека в черном, обыскал его, достал из внутреннего кармана смятые британские фунты и небольшую фотографию – групповой портрет участников парада лейб-гвардии Императорского кавалергардского полка, среди них и молодой царь Александр. Голова государя обведена красными чернилами. Больше ничего нет, никаких бумаг, писем или документов. Это плохо.

Невольно кусая губы от досады, я прекрасно понимал, что никакой наемный убийца не мог пробраться в Петергоф просто так. Здесь всегда хватало охраны, на всех входах-выходах стояли гвардейцы, а значит, кто-то весьма влиятельный провел неизвестного в парк, указал маршрут прогулки императора и обеспечил

оружием. А из этого следовало, что к заговору причастны очень сильные люди...

Я забрал всё, что счел нужным, и молча ушел. Охотничий кинжал вернулся в ножны. На запястье правой руки подсохла пара капель крови наемника, хорошо еще на браслет она не попала, это было бы плохой приметой.

Лишний раз протерев тяжелую серебряную цепь с головой собаки, я прикрыл ее манжетой рукава простого пехотного мундира и направился к морю, там меня ждала шляпка и два матроса нашего ордена. На их руках также красовались браслеты Цепных Псов...»

(Из записных книжек капитана Николая Строгова)

...Когда долгими зимними вечерами у меня появляется немного свободного времени, я ставлю перед собой пожелтевший карандашный рисунок с портретом отца и раскрываю старые тетради своих архивов. Седая память возвращает меня в далекие времена моей юности, я перелистываю страницы, как дни и годы. Мне многое удалось успеть, многое увидеть, а некоторые исторические события, которые перевернули современный мир, могли и вообще не произойти без моего посильного участия...

Я давным-давно веду двойную, а то и тройную жизнь. Увы, это не мое желание или привычка, это моя обязанность, данность, связанная с банальным инстинктом самосохранения. Попробую объяснить, если вам интересно. Итак...

Для всех я – тихий русский помещик, отец трех сыновей и очаровательной дочери, любящий муж, путешественник, скромный коллекционер старинных азиатских монет. Таким меня знает моя семья, мои друзья и близкие, таков я для мира. И лишь немногим избранным известно мое настоящее лицо, мое призвание, мой долг и моя служба. Я – Цепной Пес империи...

Мое посвящение в ряды этого тайного ордена произошло в самом начале осени 18... года. Более точных цифр и дат назвать не имею права. В те дни наша родина Россия стояла на рубеже эпох, ее города стремительно набирали мощь, промышленность росла, страна проводила земельные реформы, осваивала Север и усиливала свое влияние в мире. А победоносные войны и общий расцвет самосознания русского народа под мудрым правлением Александра Второго,

прозванного царем-освободителем, объединяли и возвышали душу всей нации!

С балканского фронта победоносно возвращались усталые русские войска, своими штыками скинувшие с братской Болгарии более чем вековое турецкое иго. Страна ликовала, народ встречал своих героев цветами, и прогрессивная общественность ждала новых перемен. Образование становилось доступным для всех слоев населения, наша армия была самой боеспособной в Европе, и восточные ханства, защищенные пустынями, включая неприступную Хиву, склонились в покорности нам, памятуя прошлые походы генерала Скобелева!

Ныне даже самые упрямые критики идеи монархизма не могли не признать заслуг русского царя, и от Берлина до Лондона, от Парижа до Вены, от Белграда до Стамбула рос авторитет Российской империи. Мы уверенно проводили свою политику, с нами считались, держава умела настоять на своем и дипломатически, и военной силой. К сожалению, именно это вызывало порой нездоровую зависть определенных лиц и даже стран...

Моя история начинается задолго до этих событий. Собственно, тогда я еще и не был ее участником. Тогда я был просто ребенком, наслаждался безоблачным детством в родительском поместье под Санкт-Петербургом и ничего не знал о Цепных Псах, но судьбе было угодно распорядиться мной иначе...

Лондон, лето 18...

...Мне хорошо помнится июль того года. В Британии выдалось на редкость засушливое лето. Лондон умирал от перегрева, силуэт старины Биг-Бена казался сделанным из речного песка, жара раскалила лондонский мост так, что к его перилам нельзя было прикоснуться. На стенах Тауэра, повесив клюв, сидели измученные черные вороны, не находя сил даже на хриплое карканье.

Кебмены старались не выезжать без лишней нужды, потому что лошади падали в обморок, не выдерживая солнечного удара. Рабочие задыхались на фабриках, богатая лондонская публика семьями съезжала на морское побережье.

Так что днем столица Великобритании погружалась в неровный и горячечный сон, слегка оживая лишь к пятичасовому чаю. Зной убивал всё: желания, трудолюбие, служебный долг; человеческий муравейник одного из величайших городов мира стихал и прятался от жары. Все ждали заката...

Даже корабли, швартующиеся у пристани, старались приходить к вечеру, а разгружаться ночью. Портовые районы доков жили своей жизнью: торговцы, полицейские, моряки, нищие, приезжие, иностранцы и простые англичане каждый вечер набивались во все близлежащие кабаки. Звуки волынки и скрипки, дешевые певички, плеск дешевого черного пива, звон посуды, а зачастую и короткие потасовки не стихали здесь почти до самого утра.

Почему Сэмюэль пригласил нас с Иеремией именно сюда, в «Зеленую русалку», дешевый и богом забытый ирландский паб, я тогда не знал. Однако вот здесь все и началось, фактически отсюда пойдет наше повествование...

Наверное, мне все-таки стоит рассказывать по порядку. Для начала хотя бы позвольте представиться. Майкл Строгофф. В смысле, Михаил, Миша. Я русский. Англия стала моей второй родиной, а Оксфордский колледж – домом. Многолетнее пребывание на английской земле сделало из меня настоящего британца.

Я полюбил их эль, их ростбифы, их овсянку, их джин, их бокс, их литературу, хотя где-то в глубине души все еще прятался маленький червячок сомнений. Несмотря на то что я покинул Россию в возрасте восьми лет, я прекрасно помнил, что мой отец мало читал и никогда не пил ничего, кроме воды и чая. Он вообще был человеком строгих правил. Причем строже всего относился именно к себе.

Был – это не в смысле умер, просто сейчас мне двадцать три, и с тех пор, как я еще мальчиком уехал за границу, мы больше ни разу не встречались. Правильнее сказать, он просто выдворил меня из дома, как щенка, посадив на борт парохода и отправив в чужую страну без малейших объяснений. Простите, это личное. Не могу и не хочу об этом говорить...

Отец регулярно присылал мне деньги на житье и образование, впрочем, весьма небольшие, так что самостоятельно зарабатывать я начал уже в четырнадцать. Благо языкам меня учили еще дома, потому что учеба в Оксфорде давалась мне

легко и оставляла достаточно свободного времени. Я нашел себе самую простую работу, до которой мог додуматься крепкий четырнадцатилетний парнишка, – устроился в клуб ветеранов Вест-Индской компании «мальчиком для битья».

Два раза в неделю, по вечерам, когда пожилые джентльмены, отставные моряки, политики и торговцы, изрядно приняв на грудь, желали прилюдно поразмять кости, меня выталкивали на ринг. Я не имел права нападать или наносить ответные удары, разрешалось только уходить и увертываться, а меня молотили, как грушу.

Это была жестокая школа, но она формировала характер. К тому же надо признать, что управляющий клуба платил достаточно, мне хватало на лекарства, на жизнь и даже удалось скопить некоторые сбережения.

Я никогда не писал об этом отцу, да и вообще наши письма друг другу были крайне редкими. Одно-два в полгода. Как-то раз он не писал вообще целый год, я даже думал, что он умер, хотя тогда мне бы, конечно, сообщили. К двадцати двум я окончил Оксфорд, получил докторскую степень, свободно говорил на английском, французском и немецком и был трехкратным чемпионом университета по боксу и гребле.

Мне предложили остаться в Оксфорде, я начал серьезную работу над биографией Джона Китса, и возвращение в далекую Россию не входило в мои планы. Я не знал, помнят ли меня там, не был уверен, что ждут, не представлял, чем вообще могу заниматься на давно покинутой и вечно воюющей родине. Военная карьера меня не прельщала, но, как я понимаю, при дворе царя Александра дворянский род Строговых мог рассчитывать на продвижение только на офицерском поприще.

Я никогда не стремился стать «сыном Марса», увенчав чело драгунской каской, а плечи эполетами. В мире огромное количество прекрасных, тихих профессий, и скромное педагогическое поприще вполне отвечало моим чаяниям. Я не хотел никаких изменений, но судьбе это было без разницы. И тот вечер в пабе, с которого все началось, я запомнил навсегда.

Меня заманили туда друзья – Иеремия Джонс, рыжий, краснолицый ирландец с пухлыми щеками, активно лысеющий уже в свои двадцать пять, и долговязый Сэмюэль Филдинг, помощник юриста, держащего практику в Сохо. Они также

учились в Оксфорде на параллельных курсах, но потом жизнь раскидала нас, у каждого были свои дела, своя работа, так что собраться вместе и вспомнить золотые деньки мы могли позволить себе не чаще раза в месяц.

Я даже не вспомню сейчас, о чем тогда зашел разговор. Знаю лишь, что выпили мы немного. Мы – это я и Сэм. Иеремия, как ирландец, никогда не упускал возможности набраться. Пиво лилось в его глотку пинтами, со скоростью Ниагарского водопада, а брюхо было вместительным.

За соседним столиком разместились пьяная компания моряков. Как я понимаю, помощник капитана и три младших офицера. Видимо, они просто переходили из бара в бар, заливая себя горячительным и отпуская тормоза. Ничего такого уж страшного, всем известно, сколь тяжела морская служба, и человеку без выпивки на ней никак нельзя, я бы даже не обратил внимания, если бы помощник капитана вдруг не сцепился языками с барменом по поводу великих побед Англии в Крымской войне. У британцев есть давняя традиция приписывать себе славу своих союзников, это привычно.

Я бы, наверное, ушел раньше, оставив друзей досиживать одних, но рыжий Иеремия вдруг покраснел, его глаза налились кровью, резко вскочив из-за стола, он развернулся к морякам:

– Сэр, я не ослышался, или мне показалось, будто вы только что заявили о том, что Россия проиграла эту войну только из-за собственной трусости?

– Видите ли, сэр. – Сорокалетний морской офицер неторопливо вылил себе в рот остатки виски и подмигнул моему другу. – Вы не ошиблись, именно это я и сказал.

– Тогда я требую, чтобы вы извинились!

– На каком основании?

– На основании того, что здесь сидит мой друг, Майкл Строгофф, он тоже русский, но я не знаю более храброго и благородного джентльмена!

Когда Иеремия Джонс выпивал больше положенной нормы, он всегда начинал изъясняться высокопарным и напыщенным стилем. Сэм попытался поймать его за рукав и усадить обратно, но было поздно, четверо разгоряченных моряков встали и засучили рукава. Их лица просто светились от счастья при возможности перейти от пьянки к драке, да еще и поставить на место наглого ирландца.

– Джентльмены, успокойтесь, это всего лишь слова. – Мой долговязый приятель встал между противниками и на миг обернулся ко мне, еле слышно прошептал: – Ради всего святого, Майкл, хоть ты-то не вмешивайся...

Увы, именно в этот момент Иеремия, поднырнув под его руку, без малейшего предупреждения врезал ближайшему моряку носком ботинка под коленную чашечку. Тот взвыл, рухнув на пол, и дальше ничего уже нельзя было изменить. Двое младших офицеров взяли в клещи нашего задиристого ирландца, а помощник капитана шагнул к моему столику.

– Значит, вас не устраивает мое мнение о грязной России, сэр? – тяжело дыша мне в лицо алкогольными парами, начал он. – Смеею вас заверить, мой милый мальчик, что это мнение честного офицера. И если кто-нибудь попытается его оспорить, то он будет иметь дело вот с этим!

Его волосатые пальцы сжались во внушительный кулак, который он поднес к моему носу.

– Надеюсь, головной мозг у вас такой же большой? – все еще стараясь держать себя в руках, уточнил я, прекрасно понимая, что драки не избежать.

– Чего-чего-чего? – Похоже, помощник капитана так и не понял, оскорбили его или сделали комплимент.

Я встал, выложил на стол несколько монет в оплату за наше пиво, потом мы подхватили под руки размахивающего кулаками Джонса и, возможно, даже успели бы уйти, но в этот момент один из младших офицеров поставил подножку Сэму. Тот, рухнув, задел локтем стол и залил остатками черного эля белые брюки помощника капитана в таком неподходящем месте, что выйти на улицу он теперь мог, только прикрываясь фуражкой.

– Убью сухопутную крысу, – пообещал разом побагровевший моряк, и четверка музыкантов в пабе, поняв, что сейчас будет, грянули изо всех сил «Казнь Макферсона».

Музыка вдохновляла!

Развейте сталь моих оков,

Верните мой доспех.

Пусть выйдут десять смельчаков,

Я одолею всех!

С двумя младшими офицерами я разделался меньше чем за минуту – хук, хук, прямой! Уход, нырок, апперкот! Помощник капитана сцепился с рыжим ирландцем, а вежливый Сэмюэль Филдинг повис у моряка на ноге, пытаюсь укубить за лодыжку. Я чуть задержался с третьим моряком, парень дрался нечестно, отмахиваясь тяжелым табуретом, а случайные посетители и завсегдатаи, аплодируя, вжались в стены и начали делать ставки. Мы были в фаворитах...

Как весело, отчаянно,

Шел к виселице он.

В последний час, в последний пляс,

Пустился Макферсон!

Бармен потянулся к полицейскому свистку, и тут, как на грех, в «Зеленую русалку» ввалилось сразу шестеро простых матросов. Думаю, они даже были с совершенно другого судна, но крепкое морское братство сразу определило ситуацию.

– Наших бьют! – дружно взлетело к закопченному потолку, и я понял, что сегодня отстаять свой чемпионский титул мне, наверное, уже не удастся.

Когда примерно через час всех нас с побоями разной степени тяжести доставили в полицейский участок, своими ногами шел только я, Иеремия, помощник

капитана и два левых матроса. Сэма мы тащили на себе. Инспектор, не вдаваясь в подробности, кто прав, кто виноват, приказал развести нас по разным камерам и пообещал предъявить обвинение утром.

Хорошо еще, Филдинг быстро пришел в себя и, давя авторитетом своего работодателя из Сохо, добился встречи с инспектором. Уж не знаю, о чем они там разговаривали, но полчаса спустя он вернулся в камеру, сияя как новенький пенс, объявив, что завтра нас выпустят, а все обвинение ограничится штрафом в полтора фунта с носа.

Не знаю, какое наказание понесли моряки, но сильно подозреваю, что их просто выпустили за взятку. Полицейские чины всех стран падки на звонкую монету, и стражи законопорядка Лондона в этом смысле отнюдь не исключение. А вот нам, как ни верти, пришлось провести ночь в кутузке.

Иеремия и Сэм вырубались быстро, а ко мне сон не шел. Почему-то все время вспоминалась Россия, хотя, боже мой, что я мог о ней помнить...

Ребенком я никуда не выезжал за пределы отцовского поместья, к нам редко ездили гости, и хотя мне не воспрещалось играть с крестьянскими детьми, но для них я все равно оставался барчук, то есть никак не ровня.

Странно, но я хорошо помню свою мать. Она была безумно красивой, но холодной и отстраненной женщиной, всецело занятой лишь моим образованием. Отец, офицер N-ского пехотного полка, основное время проводил в казармах или при дворце, а также в длительных служебных командировках. Однако, возвращаясь, он всегда уделял мне максимум внимания и отеческой нежности, на какую только был способен. Остальное время я был предоставлен няне.

Помню, что во время его визитов на неделю, на месяц или два мама часто плакала, пару раз я слышал, как она убеждала его оставить все и вернуться к нормальной жизни. Отец ничего не отвечал. Как правило, такие сцены были за день-два до его очередной военной командировки.

Когда мне было восемь лет, он подарил мне детское охотничье ружье. Простая, но очень красивая вещь Тульского оружейного завода. Дважды мы ходили с ним охотиться на уток. Видимо, тогда я был плохой стрелок, птицы улетали, смеясь надо мной или обложив трехэтажным кряканьем. Отец поставил мне мишень в

саду, велел тренироваться в стрельбе каждый день. В конце концов это и привело к страшной трагедии...

Я уснул уже под утро, просто провалившись в короткое беспмятство черного прохладного омота. И казалось бы, в то же мгновение был безжалостно разбужен своим ирландским приятелем, который тряс меня, как грушу, потому что констебль уже проворачивал ключ в замке. Сэм, бодрый и подтянутый, встретил меня ободряющей улыбкой, поредевшей на один зуб:

– Поднимайся, сонный медведь! Свобода-а! Ни один настоящий англичанин не может считать себя таковым, если хоть раз не провел ночь в тюрьме.

– Я не настоящий англичанин. Так что в следующий раз наслаждайтесь этим без меня, – зевнул я, поскольку страсть к приключениям и авантюрам в то время была мне абсолютно чужда.

– А нам понравилось, – поддержал друга потягивающийся Иеремия. – Майкл, порой ты такой жуткий зануда!

– Просто в круг моих обыденных интересов не входит сворачивание челюстей офицерам флота Ее Величества.

– Но драка с моряками – это же национальное развлечение моей родины, клянусь святым Патриком! И если бы мы не подрались с ними, они бы обиделись, и заплакали как дети, и ушли в церковь, а так мы все получили удовольствие.

– Отлично, но в следующий раз все-таки без меня.

– И без меня, – двулично перешел на мою сторону Сэм. – Почему-то наши клиенты не слишком охотно доверяют помощнику юриста, приходящему на работу с подбитым глазом и пахнущим, словно йоркширский баран, упавший в чан с пивом! Парни, меня же просто уволят...

Рыжий Джонс попытался было взывать к нашему чувству юмора, уверяя, что за одного битого юриста или бакалавра дают двух небитых, но так и не смог объяснить, где именно их дают, а главное, в чем наша личная выгода от подобного обмена.

В кабинете у инспектора нас встретил мой старый учитель английской словесности, милейшей души человек, убежденный холостяк, заядлый курильщик, а к тому еще и неумный болтун, мистер О'Коннел. Не обратив ни малейшего внимания на моих приятелей, он вскочил со стула и заключил меня в объятия:

- Мой мальчик, вы в порядке? Если б вы знали, как я за вас волновался! Я сожалею, очень сожалею, но, увы...

- Да что случилось? - я посмотрел на инспектора.

Тот молча пододвинул мне лист бумаги, и я, с трудом высвободившись из отеческих объятий мистера О'Коннела, поставил подпись под то, что штраф уплачен и претензий к стражам порядка я не имею.

- Так вы еще не в курсе? - старый педагог вновь поймал меня за руку. - Вам надо срочно ехать в Оксфорд, собирать вещи. Такое горе, такое горе... Я так надеялся, что вы успеете закончить свою монографию хотя бы к Рождеству, она бы произвела настоящий фурор в ученом мире. Вы ведь знаете, мало кто из сегодняшних молодых людей интересуется классической поэзией Китса. А ведь это один из виднейших...

- Господи, сэ, - взмолились мои приятели. - Скажите уже ему наконец, что случилось?!

- Мой мальчик, вам все объяснит ректор. Еще вчера пришло письмо от вашего уважаемого батюшки. Но не на ваше имя, а в ректорат института. Меня срочно отправили за вами. Ваш отец...

- Мой отец?.. - с нажимом повторил я, борясь с искушением придушить любимого педагога, если он сейчас же не объяснит мне, в чем, собственно, дело.

- Боюсь, что он умирает, мой мальчик.

Сэм и Иеремия, переглянувшись, скорбно опустили головы.

– Идемте, господа, коляска ждет нас на улице. В память о пролетевших годах, бесшабашной и хмельной юности я расплатился за всю вашу компанию, но, клянусь хромой ногой бессмертного лорда Байрона, вы вернете мне эти деньги! Ибо, как справедливо писал классик британской поэзии...

Недослушав толстяка О'Коннела, я растолкал друзей и бросился к выходу.

Всю дорогу ехал молча, погруженный в свои мысли. Отцу сейчас было под пятьдесят, то есть, по моим тогдашним меркам, он совсем немолод, почти старик. Зная его активный образ жизни и постоянное пребывание на службе, предполагать можно было что угодно – от ранения в каком-либо из военных конфликтов Российской империи до любой затяжной болезни.

Он никогда не уделял особого внимания своему здоровью. Докторов и лекарей гнал из поместья поганой метлой. Лучшим способом лечения почитал горячую русскую баню и ледяную прорубь. Весь был в шрамах от пуль и ножей, но никогда не жаловался на то, что старые раны ноют в непогоду. При мне даже насморком никогда не болел. Так что же с ним?

Последнее письмо от отца приходило приблизительно четыре месяца назад. Ничего важного, никаких сантиментов, он всего лишь интересовался моим положением в Лондоне, ну и, может быть, вскользь упоминал о том, что год был неурожайный, все лето шли дожди, поместье беднеет и мне нужно научиться зарабатывать самому.

Кажется, я в довольно резкой форме ответил ему, что и так давно зарабатываю сам, а на присылаемые им деньги в Британии не мог бы прожить даже кучер, не говоря уже о джентльмене. Сейчас я страшно жалел о своих словах. Но кого и когда спасало запоздалое раскаяние?

Рыжий ирландец сидел рядом со мной, не заводя разговоров, но пару раз успокаивающе сжимая мою руку. Пухлый старина О'Коннел, закурив вонючую трубку, напротив, изо всех сил стремился вытянуть меня на разговор, но Сэмюэль вовремя перехватывал инициативу, в свою очередь, переводя тему и забалтывая учителя, что давало мне возможность хоть как-то побыть наедине с самим собой...

...В ректорате меня встретил член попечительского совета, сэр Дениэл Брайан-Гамильтон, внушительного роста британец с классическими бакенбардами, представитель очень древнего шотландского рода, протянул мне раскрытый конверт, на его лице не отразилось ровным счетом ничего. Ни сострадания, ни участия, ни радости, ни горя.

– Сожалею, что вам придется покинуть нас, молодой человек. Вы подавали большие надежды. Многие педагоги считают, что ваша монография о Китсе могла бы помочь литературному миру взглянуть другими глазами на творчество великого поэта. Однако, – он выдержал долгую театральную паузу, – я вынужден настаивать, чтобы вы как можно скорее вернулись на свою историческую родину. Об этом просит не только ваш отец, но и ряд влиятельных лиц, близких к парламенту. Надеюсь, вы не уроните честь одного из лучших выпускников нашего института. Прощайте, сэр!

Собственно, я и опомниться не успел, как оказался выдворен за двери ректората. Жестом отстранив друзей, я вытащил из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, быстро пробежав глазами короткое содержание:

«Ваш отец, капитан Строгов, при смерти. Возвращайтесь».

Ни подписи, ни печати внизу не было. На конверте стоял адрес оксфордского университета с припиской «Сэру Д. Б. – Гамильтону, эсквайру». В полном недоумении я прислонился спиной к стене. Все произошедшее выглядело более чем подозрительно...

Что такого ужасного могло случиться в России? Действительно ли отец умирает? Почему он сам не написал мне ни строчки? Кто, вообще, автор странного письма? И самое главное, почему такому уважаемому учебному заведению, как Оксфорд, хватило этой невзрачной записки, чтобы фактически вышвырнуть меня из своих стен? Слишком много непонятного...

Я сунул письмо в конверт, конверт в нагрудный карман твидового пиджака и пошел собирать вещи. Встревоженные Сэм и Иеремия увязались следом, забрасывая меня вопросами, на которые тогда еще не было ответов.

Пока я собирал в саквояж свой немногочисленный гардероб, сомневаясь, смогу ли увезти всю библиотеку необходимой мне литературы, мои друзья яростно

спорили, вырывая друг у друга злополучный листок бумаги.

– Майкл, это же просто блеф! Обман! Уверен, что твои злопыхатели из руководства колледжа просто боятся, что ты займешь их место! Я прав, Сэм?

– Кстати, да. Я бы тоже не исключал такую возможность. Ведь если твоя монография утрет нос многим упертым стариканам, так, того и гляди, тебя оставят здесь преподавателем! Русский преподает в Оксфорде, куда катится мир? Где старая добрая Англия?

– Я бы никуда не ехал на его месте. А ты, приятель?

– Пожалуй, тоже воздержался бы. По крайней мере, пока не прояснил ситуацию.

Они могли бы болтать долго, но у меня не было времени все это слушать. Что-то подсказывало, скребло в душе, звало, толкало – бросить тут все и срочно ехать в ту далекую страну, которую я покинул еще ребенком. Я знал, что отец в опасности. Просто знал, и все. И уже никакие доводы от ума и логики не могли меня остановить...

– Сэм, сможешь с билетами на пароход? У тебя вроде бы были связи.

– О чем речь?! Разумеется, Майкл, но... Ты действительно уверен, что тебе так уж надо ехать?

– Дружище, – поддержал его наш рыжий приятель, – раз уж так все сложилось, не составить ли мне тебе компанию? Правда, сейчас я немного занят, но если ты дашь мне две недели завершить срочные дела, то я с удовольствием прокачусь с тобой в ваш дикий Петербург. По крайней мере, своими глазами увижу живых медведей на улицах и выпью русскую vodka...

Я пожал каждому из них руку, пробормотав что-то о самых верных и преданных друзьях, какие у меня когда-либо были, о том, что должен со всем разобраться сам, что буду писать и так далее. На самом деле я просто не имел права втягивать кого-либо в свои дела. В крайнем случае до тех пор, пока не разберусь во всем сам и не буду нуждаться в помощи.

Вечером следующего дня они оба уже провожали меня в порту. Здоровущий, двухпалубный пароход «Оливер Кромвель» принимал на свой борт десятки пассажиров. Мы должны были пересечь Ла-Манш, пройти мимо Франции и так дальше на север, до Санкт-Петербурга. Там придется переночевать, и уже от столицы еще приблизительно полдня на лошадях до родового поместья Строговых.

– Завидую, – искренне улыбаясь, трепал меня по плечу рыжий Иеремия. – Поедешь в обществе таких красавиц. Смотри, смотри же!

По трапу как раз поднимались трое миловидных девиц в сопровождении сурового возрастного мужчины, видимо, отца семейства. Одна из них обернулась и даже посмотрела на нас. Я невольно улыбнулся ей в ответ.

– Возвращайся поскорее, Майкл. – Сэм крепко обнял меня на прощание. – Без тебя наши походы по кабакам обретут однообразную скуку. Этот рыжий дурак вечно будет лезть в драку, я разнимать, а в результате каждый месяц на одну ночь мы будем становиться постояльцами ближайшего отделения полиции.

– Ну, раз в месяц можно, – подумав, разрешил я. – Вот когда вас за очередной мордобой сошлют в колонии, не ждите, что я полезу спасать вас от тигров в Индию.

Мы посмеялись, хотя шутки сегодня не удавались никому. Перед дорогой всегда складывается ощущение, будто бы что-то недоговорено, словно что-то самое важное ты так и не успел сказать, а слов все равно не находится. Ты говоришь о всякой ерунде, не знаешь, с чего начать, а все то, что хотел сказать, что действительно накипело, кажется каким-то наивным и даже детским. Тем более когда прощаются мужчины.

Мой багаж состоял из старого потертого саквояжа с двумя сменами белья, бумагами и личными вещами. Плюс связка книг, шесть штук: римская классика, Шекспир, Шелли и томик Китса. Никакой еды я в дорогу не брал, денег пока хватало, а Сэм достал мне билет в первый класс, с трехразовым питанием в большом ресторане при кают-компании. Большую часть вещей, как зимних, так и осенних, пришлось оставить. Иеремия лично обещал о них позаботиться.

Когда раздался второй гудок, мы торопливо обнялись на прощание, я еще раз дал слово писать, не будучи особо уверен, что сдержу его, и, подхватив свой багаж, быстро зашагал вверх по скрипучим доскам трапа. Предъявив билеты одному из младших офицеров и попросив стюарда отнести мои вещи в каюту, я поднялся на верхнюю палубу, чтобы бросить последний взгляд на Лондон, помахать рукой далекому Биг-Бену и улыбнуться моим друзьям. Увы, на прежнем месте их не было.

Я долго шарил взглядом, пока не заметил рыжие волосы своего приятеля в сотне шагов от пристани. И он, и Сэмюэль о чем-то жарко, судя по жестике, беседовали с неизвестным мне высоким господином в темном плаще. Индус или турок, подумал я, так как у него были длинные черные усы. Впрочем, лица толком рассмотреть не удалось: он повернулся спиной.

Прекращая спор, этот господин снисходительно поднял обе руки вверх, потом достал из-за пазухи два конверта, передав их моим друзьям. Помощник юриста убрал свой, не разворачивая, а Иеремия быстро разорвал свой конверт, доставая пачку новых пятифунтовых купюр. В мою сторону никто и не смотрел...

Я в недоумении протер глаза. Реальное понимание того, что произошло, дошло лишь тогда, когда корабль отдал швартовы и кто-то коснулся моего плеча.

– Не угодно ли вам пройти в свою каюту, сэр? – издевательски-вежливо раздалось сзади.

Обернувшись, я невольно вздрогнул. За моей спиной в сопровождении трех матросов стоял тот самый помощник капитана, с которым мы вчера дрались в пабе.

Пластырь, в двух местах заклеивающий следы побоев, красноречиво подтверждал очевидное – мне здесь, мягко говоря, не рады. А если и рады, то не в том посыле христианского всепрощения, на которое можно было бы рассчитывать при иной ситуации. Похоже, вопрос, доберусь ли я живым до Санкт-Петербурга, становился слишком риторическим...

– Да, благодарю вас. – Мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы удержать приличествующее британцу невозмутимое выражение лица. – Вы лично проводите меня или это сделает кто-либо из ваших подчиненных?

– О, такую честь я окажу вам лично, мистер Строгофф.

– А мы имеем честь быть знакомы, сэр?

– Вчера вас это не смущало, – по-волчьи оскалился он, и матросы за его спиной сжали кулаки.

– Неужели? – недоверчиво сощурился я. – Простите, но не узнаю вас. У вас такое неприметное лицо, сэр...

Мой вчерашний спарринг-партнер скрипнул зубами, невольно коснулся пластыря на левой скуле и коротким кивком предложил мне следовать за ним. Меня, почти как арестанта королевской крови, со всевозможным пиететом и почестями сопроводили по левому борту в мою каюту.

Через два номера от меня те же трое девиц, щебеча и взвизгивая, тягали своего многострадального спутника за руки в разные стороны, пытаюсь определиться, куда же они хотят пойти в первую очередь – на ужин, на верхнюю палубу полюбоваться закатом или в музыкальный салон, где весь вечер будет играть какая-то французская знаменитость. Отец или дядюшка беспомощно возводил очи к небу, пытаюсь разорваться, но всем угодить.

Я еще раз поймал мимолетный взгляд невысокой стройной красавицы со смешными рыжими кудряшками, непокорно выбивающимися из-под простой соломенной шляпки. При иных обстоятельствах наш явно зарождающийся интерес к друг другу мог бы стать взаимным, но помощник капитана и тут влез со своими предложениями.

– Мистер Строгофф, капитан приглашает вас отужинать с ним в двадцать один по нолям.

– Я планировал сегодня обойтись без ужина.

– Капитан очень огорчится, я пришлю за вами матроса.

– Передайте капитану, что мне нездоровится. Качка, знаете ли...

– Тогда я пришлю за вами четверых матросов и судового врача. Если будет необходимо, они отнесут вас на носилках.

– А вы умеете заинтриговать. – Мне не оставалось ничего, кроме как согласиться. – Итак, буду готов в двадцать сорок пять. Смокинг и бабочка обязательны?

– Да хоть в нижнем белье, – бросил помощник капитана и, резко развернувшись на каблуках, пошел прочь.

Матросы, одарив меня убийственными взглядами, направились следом.

Я зашел в каюту и увидел свои вещи демонстративно разбросанными по полу. Наверное, искали деньги и оружие. Однако наличные я обычно ношу при себе, а мысль прикупить револьвер вообще никогда не возникала, в плане самозащиты мне вполне хватало бокса. Что ж, поездка действительно обещала быть веселой.

Но если меня чему и выучил Оксфорд, так это терпению, спокойствию и максимально отстраненному взгляду на все проблемы. В конце концов, драться мне не привыкать, а изменить ситуацию прямо сейчас все равно не представлялось возможным. Подождем, пока Фортуна изменит настроение...

До встречи с капитаном оставалось еще три часа, которые я решил убить на работу над незаконченной монографией. Приведя каюту в порядок и разложив вещи по местам, я убедился, что ничего не украдено, и, выложив на стол письменные принадлежности, раскрыл потрепанный томик Китса.

В прошлый раз я остановился на его знаменитом стихотворении о старом моряке и альбатросе. И знаете, несмотря ни на что, мне вполне успешно удалось написать еще пару-тройку страниц, проецируя поэтическую дуэль Китса и Байрона, в связи с современным толкованием старой английской легенды о роке, судьбе и морских суевериях. Поэтому, когда кто-то настойчиво постучал в дверь, я витал в стихотворных эмпиреях и отреагировал далеко не сразу...

– Капитан ждет, – развязно фыркнул молодой матрос, даже не сказав мне «сэр».

Я игнорировал это вопиющее нарушение этикета, решив в знак протеста не переодеваться к ужину должным образом. В конце концов, чем плох мой обычный костюм? Оксфордский университет он вполне устраивал.

– Извольте проводить меня. – Я сунул ему в руку шиллинг, как лакею.

Морячок хмыкнул, но деньги взял, широким шагом пустившись в путь. Мне пришлось идти за ним сложными путями, переходами между двумя палубами, то вверх, то вниз, зачем-то петляя, как зайцы, меж разных групп пассажиров. Мы прошли мимо машинного отделения, вышли, как я понимаю, к корме, и только тогда я понял, что, собственно, ни о каком ужине с капитаном речь не идет. Увы и ах...

Меня вытолкнули в плотную толпу матросов, в десять-двенадцать душ, они сжали меня со всех сторон, не особо стесняясь в выражениях, и вдруг разошлись, образуя свободную площадку три на три метра. Я, как вы понимаете, остался один в центре. Помощник капитана, встав на какое-то возвышение, громко расхохотался:

– Любите бокс, мистер Строгофф? Замечательно, мои парни тоже не прочь поработать кулаками. Итак, раунд первый! Ученая крыса против Картавого Билли!

Все заорали, засвистели и захлопали в ладоши. Мои попытки протеста и взывания к элементарной порядочности никакого воздействия не возымели. Быдло есть быдло, никакой культуры! Как я понял, они все просто жаждали, чтоб я прямо сейчас сразился с их чемпионом.

– Хорошо, хорошо. Один бой! Только один, и вы меня отпуст...

Из толпы матросов выдвинулся невероятно широкоплечий, приземистый тип с длинными, почти до колен, руками. Его лицо, обрамленное густыми, словно сплетенными из проволоки, бакенбардами, было испещрено таким количеством отвратно заштопанных шрамов, что могло вызвать ужас у любой сносной портнихи. Но как ни странно, я почему-то сразу успокоился. Если его так били другие, то почему бы и не повторить их успех?

– Кончай его, Билли! Гаси сухопутного! Дай ему крабом в нос! Пусти кровь! – надрывалась матросня, когда мой противник пошел в атаку.

От первых размашистых ударов я просто ушел, потом с левой разбил ему губу. Моряк гневно взревел, словно раненый вепрь, и попер на меня уже со всей дури, пытаюсь поймать за горло и придушить. В боксе он явно не блистал, но грубой силы хватало. Поэтому я дважды саданул его по ребрам и, сбив дыхание, провел свой коронный снизу в подбородок! Картавого Билли едва не перевернуло вверх пятками. В любом случае, падая, он сбил минимум троих своих болельщиков! И как я понимаю, на годы лишился чемпионского титула...

– Всем спасибо. Я могу быть свободен?

– А вы куда-то спешите? До Санкт-Петербурга так далеко, – в повисшей недоброй тишине голос помощника капитана звучал особенно зловеще. – А мы еще не наигрались, правда, парни?!

– Да! Зовите Крюка! Крюк ему покажет, – взорвалась наэлектризованная толпа.

У меня сложилось неприятное подозрение, что, похоже, мне придется драться сегодня весь вечер, со всем экипажем поочередно, и, скорее всего, на пятом или шестом сопернике я начну сдавать. Какого же черта тут происходит?! Это же форменное нарушение всех джентльменских и неджентльменских правил! А на палубный ринг уже шагнул новый претендент.

– Господа, если вы имеете хоть какое-то понятие о чести, то...

Меня в очередной раз никто не слушал. И более того, самым наглым образом так толкнули в спину, что я едва не вылетел на этого самого Крюка. Длинный, выше меня на две головы, плечи узкие, но руки работают, как поршни, мощно и напористо.

Мы обменялись первыми пристрелочными ударами, потом он пошел махать своими граблями без малейшей логики, и я пропустил скользящий в висок. Едва не упал под приветственный визг толпы, но вовремя выпрямился и, поднырнув, встретил противника прямым в солнечное сплетение. Крюк согнулся пополам, как ножка школьного циркуля, пискнул что-то невнятное и рухнул носом вниз на затоптанную палубу. Готов. «Кто следующий, мать вашу?!»

Мой вопрос остался без ответа. Потому что затылок взорвался дикой болью, я почувствовал, как колени подломились и ноги больше не держат меня, а грязная палуба с ужасающей скоростью бросается мне в лицо. Почти в ту же минуту в глазах потемнело, словно кто-то накинул мне на голову плотный джутовый мешок. Думаю, минут на пять-десять меня точно выключило. Я пришел в себя от холодного воздуха и чужих голосов.

– Прикажете его за борт, сэр?

Интересно, кто это? А также еще очень интересно, собственно, кого они там собрались за борт? Мы вроде бы в море, а, значит, за борт никого нельзя, он же утонет. Я бы, например, точно утонул...

– Давайте попрощаемся с мистером Строгоффым, – холодно подтвердил голос помощника капитана. – Пусть покормит рыб, а потом расскажет своим приятелям на дне, каково это, оскорблять честь и достоинство флота Ее Величества.

Я опять-таки не был уверен, кого они имеют в виду, но почувствовал, что меня вроде бы пытаются приподнять и куда-то...

– Сейчас же отпустите его, негодяи! – неожиданно громко прозвенел незнакомый мне женский голос.

– Мисс, вы бы... шли своей дорогой, – попытался посоветовать помощник капитана, но даже я в мешке абсолютно четко различил сухой звук взводимого курка.

– Отпустите этого человека, или я буду стрелять!

– Мисс?!

– И ни одного предупредительного в воздух, – предупредила эта самая мисс, не знаю кто, но спасибо ей, приятно: за меня редко хоть кто-нибудь заступается. – Поверьте, стрелять я умею. И с такого расстояния не промахнусь.

– Сэр, да в ее револьвере всего шесть пуль, – буркнул кто-то из матросов, но меня, тем не менее, никуда не выбрасывали.

– Совершенно верно, всего шесть пуль. Значит, шесть трупов. Желающих выберете сами или есть добровольцы?

Повисло раздумчивое молчание. Из чего я заключил, что напавших на меня, видимо, было чуточку больше шести, но они все равно никак не могли определиться, кто готов умереть ради того, чтобы выбросить меня за борт, а кто нет.

– Мисс, это всего лишь шутка, – после долгой минуты молчания решился помощник капитана. – Мы с ребятами просто шутили над нашим старым добрым другом, Майклом Строгоффом. Вы ведь не подумали, что это всерьез? Ха-ха...

– Хи-хи, – без малейшей тени усмешки подтвердил женский голос. – А теперь оставьте его и пойдите прочь.

Меня без извинений и пиетета бросили на палубу. Я больно ударился плечом, но зато никто из уходящих не догадался пнуть меня ногой под ребра. Как говорится, уже спасибо. А через мгновение чья-то уверенная рука помогла мне стянуть мешок с головы.

– Ох, так это вы? – Я впервые взглянул на свою спасительницу, узнав в ней ту самую рыжую девушку, которая вместе со мной садилась на пароход.

– А это вы? – так же искренне поразились она. – Сэр, каким рогатым чертом вас понесло драться с матросней? На вид вполне интеллигентный джентльмен...

– Да, мне даже почти предложили преподавать в Оксфорде, – криво улыбнулся я, косясь на маленький бельгийский револьвер Лефорше в ее руках.

– Это дядин. – Она привычным жестом сунула оружие себе в ридикюль. – Я еду в Россию, к своему отцу. А мой дядюшка везет моих двоюродных сестер ко двору царя Александра. Не буду хвастать, но мой отец имеет определенный вес в Санкт-Петербурге. Так что, если вам нужна помощь и защита...

– Я безмерно благодарен вам, мисс, но боюсь, что не заслуживаю вашего внимания. Между мной и... этими господами произошел ряд недоразумений, мы все погорячились, возможно, кто-то действительно хватил лишнего. Но поверьте, лично мне меньше всего бы хотелось вмешивать в это дело полицию или злоупотреблять вашими связями.

Вместо ответа она молча шагнула ко мне, при ярком свете луны безапелляционно рассматривая мое лицо, взяв меня за подбородок.

– А вас хорошо отделали, – задумчиво протянула девушка, и я еще раз невольно залюбовался ее наивной красотой.

Больше всего она была похожа на голубку, лесную горлицу, волей судьбы случайно залетевшую в город, севшую на треугольную шляпу памятника адмиралу Нельсону и круглыми глазами озирающую несовершенство этого мира.

– Ну что ж, могло быть и хуже.

– Было, и не раз, – подтвердил я, осторожно отводя ее руку. – Мне пришлось много боксировать.

– Может, представитесь?

– Майкл Строгофф.

– Это я уже слышала. Вы ведь не англичанин?

– Увы, нет. Я русский. Но с восьми лет живу в Великобритании. А вы?

– Энни Челлендер, с двумя «л», – представилась она, изобразив неглубокий поклон и забавно потрянув кудряшками. – С трех лет воспитывалась в России, хотя по рождению и крови стопроцентная британка. Но, думаю, нам стоит перенести дальнейшее знакомство куда-нибудь поближе к вашей каюте.

Наверное, я слишком явно покраснел, потому что девушка топнула на меня каблучком и храбро добавила:

– Каждый думает в меру своей собственной испорченности, побитый сэром Строгофф! Я лишь имела в виду, что готова проводить вас, и если это необходимо, то вызвать вам врача.

Мне пришлось извиниться, по-джентльменски констатируя, что из нас двоих наиболее испорченным являюсь, разумеется, я.

Мисс Челлендер без малейшего стеснения, игнорируя все английские чопорности и правила этикета, отважно подцепила меня под локоток и повела вдоль борта, по лестнице наверх. Или правильнее сказать, потащила, как нежная дочь тащит домой к маменьке подобранного у паба загулявшего отца...

Должен признать, что голова у меня еще изрядно кружилась, и поэтому ее помощь была отнюдь не бесполезной. Ноги я, разумеется, переставлял сам, но на свою маленькую спутницу пару раз опирался всем весом тела, и она держала меня, как стальная пружина. Подобные девушки не редкость в землях Туманного Альбиона, но, с другой стороны, большинство из них имеют сухопарое сложение и ярко выраженную лошадиную внешность. А эта была на редкость миловидной...

– Моя каюта совсем близко от вашей.

– Я в курсе. Вы мне подмигивали.

– Что? – попытался удивиться я, но при попытке возмущенно поднять брови затылок отозвался резкой болью. – Не имею такой детской привычки, милая леди. Я лишь ответил улыбкой на ваш заинтересованный взгляд.

– На мой заинтересованный взгляд?! – ахнула Энни, едва не уронив меня с узкой лестницы. – Да я и близко не смотрела в вашу сторону. Просто потому, что не имею обыкновения пялиться на незнакомых мужчин! Это Бетти толкнула меня локтем, смотри, вон тот высокий джентльмен на нас так смотрит. Я и обернулась. Но Бетти все равно считает, что вы смотрели на нее!

– Извините, мисс?..

– Челлендер.

– Мисс Челлендер, – послушно повторил я, надеясь, что запоминать это имя мне не придется. – Вот моя каюта. Спасибо, что проводили. Я искренне и безмерно благодарен вам за все! Не каждая девушка ваших лет разгуливает по нижним палубам с заряженным револьвером. Можно я уже просто лягу?

Похоже, после этих слов я просто потерял сознание. Потому что в глазах вновь потемнело, ноги повело, и в себя я пришел уже на собственной койке, а добрейшей души Энни как раз набрала полный рот воды, чтобы прыснуть мне в лицо. Я предупреждающе поднял руку, и бедная девочка чуть не захлебнулась. С трудом отдышавшись и откашлявшись, она строго погрозила мне пальцем:

– Лежите и не вставайте. Похоже, вам действительно сильно досталось. Я отправляюсь за судовым врачом.

– Может, не надо врача?

– Надо, и не вздумайте со мной спорить.

Впрочем, сил на серьезный протест все равно не было, в данном состоянии даже эта девчушка отлупила бы меня тапкой, как нашкодившего котенка. Пришлось подчиниться. Я смиренно кивнул и обещал ждать ее, не вставая, сколько понадобится.

Мисс Челлендер выскочила из каюты, вернулась в то же мгновение, еще раз погрозила мне пальцем и, наконец, исчезла. Уф... я в изнеможении откинулся на жесткую подушку. Закрыв глаза, попытался максимально расслабить мышцы и не думать о боли. Признаю честно, получалось так себе...

К тому же перед моим внутренним взором плавно покачивалось милое лицо юной британки. При всем том чувстве благодарности за спасение, которое я к ней, несомненно, испытывал, в другое время мы бы вряд ли смогли стать друзьями. Поверьте, я знаю, о чем говорю, я видел такой тип женщин.

Абсолютно уверен, что рыжуха Энни относилась к экспрессивным и романтичным натурам, готовым на все ради глотка свободы, которой им так не хватало в пансионе. Подобных девушек манит жажда приключений, пусть даже на самом бытовом уровне, начиная с факта неподчинения старой нянюшке и слезливого бунта против диктата учительницы музыки. Не находя настоящих

проблем в реальной жизни, они сами активно провоцируют рискованные ситуации, чтобы с тем или иным успехом из них выпутываться. А это возможно далеко не всегда.

Согласитесь, с чего бы скромной девушке ее лет, в приличном платье, под опекой дядюшки и двух двоюродных сестер, разгуливать по закоулкам корабля с пистолетом на взводе? После того как я собственными глазами видел передачу денег своим друзьям, успешно усадившим меня на тот самый корабль, где меня ждали для окончательной разборки, я уже и не очень верил в случайность драки в пабе. Если задуматься, то место выбрал Сэм, драку затеял Иеремия, а отвечать за все это приходится почему-то мне.

И если бы не таинственное появление мисс Челлендер, никто бы и не задумался об одиноком пассажире, случайно исчезнувшем с борта «Оливера Кромвеля». Неужели кому-то безумно интересна моя скромная особа и кто-то очень не хочет, чтобы я вернулся в Россию? Цепочка моих неровных логических размышлений была прервана громким стуком в дверь.

– Тук-тук, это мы. Надеюсь, вы не раздеты и не спите. – В каюту бесцеремонно впорхнула моя счастливая спасительница, волоча за рукав пожилого толстого джентльмена с гладковыбритым лицом и внешностью отставного военного.

– Это доктор Патиссон. А это мистер Строгофф. Доктор, я умоляю, посмотрите, что с ним? Он поскользнулся и упал с лестницы, сильно ударившись затылком. Быть может, ему еще можно помочь без операции?

– Без ампутации, вы хотели сказать? – мрачно пошутил судовой врач и присел рядом со мной на край койки. – Ну-с, молодой человек, давайте-ка взглянем, что у нас тут? Эге...

Он осторожно ощупал мой затылок, посмотрел в глаза, оттянув нижнее веко, проверил пульс и, удовлетворенно хлопнув себя по коленям, поднялся.

– Ну что я могу сказать, мистер Строгофф... Голова у вас на редкость крепкая. Черепно-мозговой травмы нет, сотрясения мозга тоже. Впрочем, пару дней рекомендую постельный режим. Никакого алкоголя, никаких активных движений, жидкое питание. Если, вставая, будет болеть голова, пропишу капли.

Он еще раз поклонился и, выслушав мою благодарность, покинул каюту. Деятельная Энни тут же бросилась следом, шумно уточняя какие-то детали.

- Но мне-то вы можете сказать правду? - раздалось за дверями. - Не скрывайте от меня ничего! Я готова к самому худшему!

А я закусил губу, чтобы не выругаться русским матом. Но потом призвал все свое мужество и отвагу, собрал волю в кулак и, трезво оценивая ситуацию, признал - в сущности, все могло быть гораздо хуже. Я уже мог бы кормить рыб, а раз этого не произошло, мои враги знают, что я жив-здоров, значит, они не оставят меня в покое.

Есть риск, что рано или поздно их попытки увенчаются успехом, а из-за пассажира, случайно упавшего за борт ночью, никто не станет останавливать судно, даже если этого кого-то будет очень-очень просить милая рыженькая леди с револьвером. Как говорят французы, «се ля ви».

После короткого зрелого размышления я понял, что единственный, кто может мне помочь, - это сам капитан судна. Даже если предположить, что он в курсе грязных делишек своего помощника, факт прямого обращения к нему за помощью при свидетелях поставит его в положение лица обязанного, что, возможно, даст мне хоть какой-то шанс добраться до Санкт-Петербурга.

Поэтому, когда ко мне, на этот раз уже без стука, так сказать, по-семейному, снова сунулась мисс Челлендер, я встретил ее жалобной улыбкой:

- Энни, я так понял, доктор многого недоговаривает?

- Вот-вот, и у меня сложилось такое же впечатление, - воодушевленно подтвердила она.

- Видимо, мне немного осталось?

- О нет, что вы?! Надо верить в лучшее и не терять присутствие духа!

- Спасибо, я стараюсь. Но не могли бы вы выполнить мою просьбу?

- Последнюю? - ее голос невольно дрогнул.

- Ну, мало ли, - я фальшиво пожал плечами. - Вы же сами знаете, врачи никогда не говорят страшной правды. Видимо, из человеколюбия и уважения к пациенту. Вы не могли бы попросить своего дядюшку привести ко мне капитана?

- Зачем?

- Я хочу отдать кое-какие распоряжения насчет своего имущества. Так, знаете ли, на всякий случай.

- Я и сама могу сходить!

- Увы, насколько я понимаю, в капитанскую рубку женщинам вход воспрещен.

- Какая дикая глупость, - надула пухлые губки мисс Челлендер.

Мы еще минут десять попрепирались по поводу закостенелых традиций старой Англии и пассажирского морского флота, но в конце концов она дала слово исполнить все, что в ее силах, еще раз попросила меня никуда не вставать и отправилась на поиски дядюшки.

Видимо, сила ее убеждения была настолько велика, что уже через пятнадцать-двадцать минут в мою каюту постучал капитан судна. Он оказался солидным, серьезным джентльменом, эдак хорошо за пятьдесят, с широкими плечами, холодным взглядом и внешностью классического морского волка. Отлично выглаженный костюм, безупречные манеры, холеные усы, единственный минус - резкий запах крепчайшего морского табака. Я с трудом удержался, чтобы не чихнуть...

- Чем могу быть вам полезен, сэр? Предупреждаю сразу, у меня всего пара минут.

- Постараюсь уложиться в полторы, - пообещал я, в самой лаконичной манере описав все произошедшее с момента вчерашней драки в пабе и до моего чудесного спасения на борту «Оливера Кромвеля» с мешком на голове. Капитан слушал молча, ни разу не перебив и только время от времени сжимая кулаки.

- Вы намерены подать в суд на команду моего судна?

- Нет. Но я надеюсь на вашу помощь.

- Что я могу для вас сделать?

- Отправьте меня в какое-то такое место, где ваш помощник не будет меня искать, куда не спускаются матросы, где нет пассажиров, где присутствие еще одних рабочих рук будет только к месту и никто не станет задавать лишних вопросов.

- Машинное отделение, - после секундного размышления догадался он.

Я кивнул.

- Что ж, сэр, услуга за услугу. Вы не поощрите в суде славное имя моего корабля, а я даю вам возможность поработать кочегаром и кидать уголь в топку вплоть до самого нашего прибытия в порт Санкт-Петербурга.

- Это просто мечта! - Я с благодарностью протянул ему руку, он жестко пожал мою ладонь.

- Сидите здесь, не высовывайте носа. Через пару часов я пришлю нарочного. Он даст вам подходящую одежду и спрячет ваш багаж.

Как только капитан покинул каюту, меня тут же посетила довольная собой рыжекудрая мисс Энни. Я еще раз поблагодарил ее за помощь, выразил желание прилечь, дабы насладиться спасительным сном: «уж сколько мне осталось...» - и робкую надежду, что в следующий раз мы встретимся в другом месте, в другое время, в другом мире и при более благоприятных обстоятельствах.

Мне кажется, она на что-то надулась, потому что вышла из каюты молча, высоко задрав нос и пряча заблестевшие глаза. Надеюсь, она не сочла меня неблагодарной скотиной? В любом случае ее аристократическое воспитание не позволило высказать это вслух. А через два часа ко мне действительно постучали, и я открыл дверь молоденькому безусому юнге.

– Приказ капитана, сэр, – заговорщическим шепотом просемафорил он. – Вот, переодевайтесь. Я отвернусь, сэр. Скажите, как будете готовы!

В общем, не буду утомлять вас пустыми подробностями, но в ту же ночь машинное отделение «Оливера Кромвеля» пополнилось еще одним кочегаром с безликим именем Джон Смит. Должен признать, что через какие-то четыре часа работы с лопатой и углем я сам не узнал бы себя в зеркале. Последующие дни слились у меня в одну непрерывную череду алого зева топки, короткого сна, дрянной еды и привычных окриков главного механика:

– Еще угля! Добавить жару! Шевелитесь, проклятые лентяи!

Нас было восемь, мы работали в три смены, и если я каким-то чудом не умер, то только потому, что мне очень нужно было попасть в Россию...

Когда наконец наше судно пришвартовалось в порту Санкт-Петербурга и тот же самый юнга спустился ко мне в кочегарку, я был готов обнять его, как ангела, пришедшего спасти мою душу из ада. Капитан приказал отправить мой багаж на берег, и, о чудо, мне даже заплатили! Разумеется, в сравнении с ценой на билет в каюте первого класса, которой я так и не воспользовался, это были сущие слезы, но душа моя ликовала! Я спустился по трапу, затерявшись в толпе пассажиров второго класса. Капитан стоял на мостике, но если и видел меня, то не подал виду.

Мне пришло в голову поискать мою рыжеволосую спасительницу, но, увы, видимо, она покинула судно раньше. Благородным господам давали возможность сойти на берег в первую очередь. Я же, ступив на булыжные мостовые суровой Северной столицы, на пару минут просто замер, потеряв дар речи.

Санкт-Петербург не просто восхищал, он вдохновлял гением русских зодчих и партикулярностью европейских линий. Какая жалость, что я не мог насладиться видом этого величавого города с моря, но в машинном отделении не было окон. Меня встречала серая Нева, закованная в камень, золотые шпили зданий, стройные колонны дворцов, и везде, отовсюду неслась такая забытая, но такая родная русская речь!

В душе моей вдруг возникло такое невероятное чувство умиления, что, казалось, я был готов расцеловать первого же русского ямщика или портового нищего.

Но в этот момент взгляд мой зацепился за смутно знакомую фигуру в плаще. Черноусый мужчина стоял поодаль, внимательнейшим образом всматриваясь в лица проходящих мимо него пассажиров. Я невольно надвинул простое кепи моряка на самые брови – это был тот самый тип, что расплачивался с моими друзьями в лондонском порту!

– Дьявольщина, он-то откуда здесь взялся?!

Я быстро огляделся по сторонам, нашел какую-то одинокую женщину с двумя чемоданами, предложил свою помощь, вскинул тяжелый багаж себе на плечо и, прикрываясь им, как щитом, миновал подозрительного незнакомца. Уверен, что он не заметил меня, а если и заметил, то не узнал. Ну вроде бы... надеюсь...

Усадив женщину на извозчика, мне удалось быстро и незаметно смешаться с толпой. Почти бегом покинув пристань, я выяснил, где находится популярный кабак британских и голландских моряков, забрал оттуда свой багаж и, не задерживаясь ни на минуту, кинулся искать ямщика, согласного везти меня далеко за город.

Деньги у меня были, правда, пришлось поменять английские фунты по грабительскому курсу на рубли, но зато я выехал практически через три часа после того, как сошел с трапа. Значит, вполне реально успеть прибыть к отцу, в маленькое поместье под Тосно, еще до темноты. В коляску были запряжены две ухоженные лошадки, и я не сомневался, что сил и резвости у них хватит.

А вот сам ямщик, тощий тридцатилетний мужчина, с рыжеватой бородой и оспинами на лице, к сожалению, оказался жутко болтливым. Моя тоска по нехватке русской речи успешно почилла в бозе уже через полчаса его непрекращающейся трескотни. Судите сами, я не наговариваю...

Пока мы ехали по улицам столицы, мужик буквально не закрывал рта, старательно живописуя мне, как иностранцу, все красоты Санкт-Петербурга, магазины, лавки, доходные дома, театры, кабаки и особенно меблированные комнаты для свиданий.

– А уж девушки наши небось вашим-то не чета! И красоты поболее, и в теле, и берут, поди, не так дорого. Особенно вон там, на Лиговке. Говорят, в салонах у мадам Барыкиной под вечер такое в чулках вытворяют – срамота-а-а-а! Но посмотреть стоит, да хоть культурного образования ради!

Какое-то время я его слушал и даже пытался отвечать, но потом коляска свернула за городскую черту и две лошадки бодренько потрясли нас по ухабистой проселочной дороге. На природе, под ясным солнышком, мой ямщик, по счастью быстро примолк, его изрядно разморило, и, пока он клевал носом на облучке, ничто не мешало мне вернуться к собственным мыслям. Нерадостным...

Во-первых, меня не отпускал тот самый человек в черном. Кто он? Почему он меня преследует? Каким образом ему удалось связаться сразу с двумя моими самыми близкими друзьями и, как я понимаю, не только перекупить их, приняв к себе на службу, но и заставив предать меня. Не просто подставить, а именно предать, потому что на корабле бы меня гарантированно убили!

Во-вторых, как он оказался в России раньше меня. Я своими глазами видел его на пристани, когда «Оливер Кромвель» отдал швартовы. Не мог же он перелететь на наш корабль? Получается, чтобы прийти сюда раньше, он должен был бы зафрахтовать частное судно, какую-нибудь скоростную шхуну. Возможно ли такое? Ну, при больших деньгах, конечно, да...

– Только зачем тратить такие деньги ради моей скромной персоны? – сам себя тихо спросил я, признавая, что так ни к чему не пришел и ничего не понял.

Ямщик резко проснулся и, видимо, решил порадовать меня песней. Пел он ужасно. Мало того что печальный сюжет, злой барин отдал его невесту другому, богатому, но постылому, так еще и исполнение без малейших проблесков слуха и голоса. Это мрак...

Ах, барин, барин, скоро святки-и-и-и!

А ей не быть уже моей!

Ей да-а-ан бага-а-тый, да па-а-астылый,

Ей не видать атра-а-адных дней!

Даже лошади пытались опустить уши, честное слово!

Последние часы дороги были уже совершенно утомительны. Устали все: и лошади, и поющий ямщик, и я. Описывать скуку проезда по грязным дорогам не вижу никакого смысла. Жара, мошкара, духота, пыль, сменяющиеся быстро наступающими сумерками...

И лишь когда на вершине холма смутно блеснули беленые стены нашей усадьбы, сердце мое вновь наполнилось радостью. Я рассчитался за поездку, добавил двадцать копеек на чай, показал кулак на просьбу «приплатить исчо и на овес бы...», забрал свой багаж и решительно направился вперед пешком, чтобы хоть как-то размять ноги.

Усадьба была огорожена невысоким, но крепким забором. Входные ворота, разумеется, заперты. Попытка докричаться до дома не привела ни к чему, кроме того что в окнах нижнего этажа вспыхнул свет и послышался яростный лай цепных собак.

Вот этого я, честно говоря, не учел. Хотя, конечно, и в моем детстве усадьбу охраняли здоровенные волкодавы, но они меня знали и любили, а вот теперешние псы, возможно, их же дети, с удовольствием закусят незнакомым мной на ужин.

Решив не рисковать, я, от греха подальше, обошел ворота слева, туда, где начинался яблоневый сад, перекинул свой саквояж, связку с книгами, а следом и сам, подтянувшись, легко перемахнул через забор. Спрыгнул на землю, оправился и огляделся.

Но, видимо, в саквояже что-то все-таки достаточно громко звякнуло. Лай собак раздался с новой силой, и я понял, что спасти меня сейчас могут только ноги. Быстрее зайца я рванул вперед, добежал до дома и постучался во входные двери.

Однако открывать их никто не спешил, а за моей спиной уже раздалось едва сдерживаемое от ярости рычание. Я осторожно обернулся назад. В двух шагах от меня, напружинив лапы и оскалив клыки, стояли два таких огромных пса, что сначала я подумал, будто это среднего размера медведи.

– Хорошие песики, милые песики, – попытался соврать я, но они мне не поверили. – Мы ведь подружимся, правда?

Увы, и это предложение мира осталось безответным. Ну, в том плане, что собаки пальмовую ветвь отвергли и все-таки прыгнули. В предчувствии неминуемой гибели я вжался спиной в дверь, в тот же миг она подалась назад и чья-то могучая рука за шиворот втянула меня в дом, в темноту. Спасен? Господи, в последний момент...

Ярость псов, оставшихся с носом, невозможно было описать словами. Их злобный рык перешел в вой разочарования, а потом и в жалкий скулеж маленьких щенков, у которых только что отобрали любимую игрушку.

– С-пасибо, – запинаясь, пробормотал я своему неведомому спасителю, но вместо «пожалуйста» моего горла коснулась холодная сталь.

– Смерти ищешь, хлопчик? – почти ласково спросил неизвестный, одной рукой держа меня за шиворот, а другой уже практически собираясь перерезать мне горло.

Объяснять что-либо я уже просто отчаялся, да и, в конце концов, если за последнюю неделю меня только и делали, что убивали, то, наверное, уже стоит смириться с неизбежным. Однако тут кто-то зажег свечу, и изумленный старушечий голосок произнес:

– Ты это что ж творишь, душегуб кубанский? Али не признал? Это ж барина нашего сынок, Мишенька-а!

– Уверена, тетка? – так же глухо ответил некто за моей спиной.

– Как бог свят! Пусти барчука, Матвей! Слышь, пусти!

Меня развернули лицом, и я увидел свою милую старую нянюшку, только еще более поседевшую, в ночной рубашке, чепце, с большой вязаной шалью на плечах. В руке она держала двухрожковый подсвечник.

– Я ж его с младых ногтей воспитывала. Он до восьми годочков у меня на руках рос. Нешто я и теперь его не узнаю, Мишеньку моего?!

– Здравствуйте, няня, – тихо выдавил я. – Вот, только сегодня прибыл из Лондона.

Неизвестный, отпустив меня, шагнул к нянюшке, и я невольно поежился. Более неприятного субъекта мне в жизни видеть не приходилось. Наголо бритая голова, густейшие усы, страшные брови, широкая борода лопатой, огромные плечи, одет в какое-то непонятное кавказское платье, а в руках длиннющий кинжал размером в три мои ладони.

– Что ж по ночи крадешься, хлопчик? – басовито прогудел он. – А вот снял бы я тебе башку, как бы потом перед его благородием извинялся?

– Кто там? – раздалось сверху, и я увидел своего отца, стоявшего на лестнице второго этажа. Он был необычайно худ и очень бледен, а в руках держал охотничье ружье.

– Радость-то какая, Николай Бенедиктович, – сразу откликнулась нянюшка, бросаясь ко мне на грудь. – Сынок ваш, единственный, Мишенька, из самого Лондону на родину русскую прибыли!

– Михаил? – голос отца дрогнул.

Я нежно отодвинул старушку в сторону и пошел навстречу отцу.

– Ваше благородие, ну куда ж вы встали-то?! Доктор лежать приказал.

Отец, не отвечая типу с кинжалом, прижал меня к груди. Как же давно это было в последний раз...

Я осторожно обнял его за плечи, чувствуя под теплым байковым халатом повязки бинтов. Господи, да что же здесь происходит?!

– Ты получил письмо?

– Да, папа. Но я ничего не...

– Пойдем. – Он похлопал меня по плечу. – Нам надо поговорить. Я хочу успеть многое рассказать тебе. Ты должен знать...

– Что знать?

– Правду. Ты не виноват. Не виноват в смерти матери...

Наверное, в тот момент уже он поймал меня, потому как сознание ушло куда-то в бок, ноги подогнулись и в глазах потемнело. Память яркой вспышкой ударила по вискам, и видения прошлого бросились на меня, словно обезумевшие от голода черные волки...

– Смотри, Михаил, ты уже второй раз мажешь мимо центра мишени, – укоризненно выговаривал отец маленькому восьмилетнему мальчику. – А все почему? Потому что ты боишься вспышки выстрела.

– И мне приклад в плечо больно бьет.

– А ты держи ружье крепче, и приклад вжимай в плечо, – объяснял моложавый мужчина в простом сюртуке военного покроя. – Вот так. Главное, не зажмуривайся, когда спускаешь курок. Давай-ка я перезаряжу...

– Николя! Мишель! – раздался мягкий женский голос из глубины сада. – Обед готов, не задерживайтесь.

– Да, да, душечка, уже идем, – за двоих ответил отец. – Слышал, малыш? Твоя мама зовет нас. Давай, последний выстрел и за стол.

– Но я не хочу есть. Я еще поиграть хочу.

Маленький Михаил топнул ножкой. Лето, жара. Крестьянские мальчишки звали его в ночное, а сегодня пошли купать лошадей на речку. Куда как интереснее скучной стрельбы в саду, а потом еще обеда с папенькой и маменькой. Несправедливо! Вот когда он вырастет и станет взрослым...

Отец хлопнул его по спине, с показной суровостью погрозил пальцем и еще раз указал на белеющую в двадцати шагах мишень. Мальчик тяжело вздохнул, прекрасно понимая, что старших не переспоришь. Он выпрямился, вскинул маленькое ружьецо к плечу и взвел курок...

– А-а-а-а-а-а! – в небо неожиданно взлетел дикий женский вопль.

Миша вздрогнул и, обернувшись, нажал на спусковой крючок. Пуля ушла куда-то в сад, в сторону дома, но побледневший отец оттолкнул его и бросился за деревья. Через минуту раздался его страшный крик, более похожий на вой раненого зверя...

Мальчик кинулся к нему, но, добежав, замер, как каменный, не веря своим глазам. Его мать лежала на траве, в десяти шагах от ступеней крыльца. На ее свежей белой блузке расплывалось непонятное красное пятно. Отец стоял на коленях, гладил ее по черным волосам и, кажется, плакал...

– Папа...

– Иди в дом.

– А мама? Что с мамой?..

– Иди в дом, Михаил! – закричал на него отец.

И его лицо маленький Строгофф запомнит на всю жизнь. Как и то, что в тот страшный день он в ужасе отбросил свое маленькое ружье, понимая, что натворил своим сорвавшимся выстрелом...

...Маму мальчика хоронили тихо. Никакого расследования ее смерти не производилось, отец, как пехотный капитан и хорошо известный в здешних краях помещик, сумел все замять, договорившись с губернским начальством и церковным старостой. С сыном он практически не разговаривал, полностью уйдя в себя.

А меньше чем через месяц велел собираться и сам отвез его в столицу, передав с рук на руки незнакомым людям.

- Тебе надобно уехать, - скупое объяснил он, даже не обняв его на прощание. - Так будет лучше для всех.

- Но я не хочу уезжать!

- Все решено.

Мальчик вырывался, кричал, звал на помощь. Но двое мужчин в морской форме легко, как куренка, схватили его и быстро унесли по трапу на большой корабль. Уже в море ему сказали, что судно направляется в Лондон и впереди целых четыре года оплаченной учебы в детской школе при Оксфорде. О возвращении маленького Миши на родину речи не было...

- Ты должен понять меня, - шептал отец, лежа на кровати и осторожно сжимая мою руку.

Я сидел на стуле напротив, нянюшка принесла нюхательной соли, но страшный казак или черкес - не знаю, чем они вообще различаются, - молча сунул рюмку водки, и это помогло. По крайней мере, вернулась ясность происходящего и память. Последнее не радовало. Увы, но факт...

Мне абсолютно не хотелось ворошить угли прошлых лет, я давно и, как мне казалось, навсегда смирился с тем, что мой случайный выстрел оборвал жизнь моей матери. Единственной боготворимой мною женщины, которую я любил всем пылом своего детского сердца. Господи, что я говорю. Я пытаюсь сформулировать в мысли чувства, не просто обуревавшие меня, но составлявшие суть моей жизни!

Мама была той, без которой я не понимал собственного существования, плакал по ночам в холодной спальне мальчиков и дважды чуть не покончил самоубийством, прыгая головой вниз со второго этажа. Максимум причиненного вреда - это повреждение лодыжки, из-за чего я хромял, наверное, недели полторы. Впрочем, вспоминать сейчас обо всех моих годах жизни за границей вряд ли имело смысл...

- Ты был слишком мал тогда. Мне было страшно за тебя, и казалось, что самое правильное - это спрятать тебя подальше. Туда, где им не придет в голову тебя искать и где ты сможешь забыть обо всем.

- Но я ничего не забыл.

- У тебя смешной акцент, - отец впервые позволил себе подобие улыбки.

- Да, знаете ли, в Лондоне не так много русских, чтобы можно было в любой момент практиковать язык. Но поверьте, на английском, французском и немецком я говорю без акцента. Вы что-то хотели сказать мне, отец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/andrey-belyanin/cepnye-psy-imperii>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)